

Стендаль

**Собрание сочинений в
пятнадцати томах**

Том 12. Записки туриста

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
С79

Стендаль Ф.
С79 Собрание сочинений в пятнадцати томах: Том 12. Записки туриста / Стендаль – М.: Книга по Требованию, 2021. – 532 с.

ISBN 978-5-458-50265-8

Стендаль - один из тех писателей, кто составил славу французской литературы XIX века. Его перу принадлежат "Пармская обитель", "Люсьен Левель", "Ванина Ванини", вершиной же творчества писателя стал роман "Красное и черное".

ISBN 978-5-458-50265-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Веррьер, близ Со.

Вовсе не из *эголизма* я постоянно пользуюсь словом «я», а только для большей живости изложения. Я коммерсант. Объезжая провинцию по своим делам (торговля железом), я решил вести дневник.

Путевых заметок по Франции почти не существует,— вот что дает мне смелость напечатать свои. Я провел в провинции несколько месяцев и пишу книгу, но я не решился бы говорить о Париже, где живу двадцать лет. Изучить его — дело целой жизни, и нужна очень светлая голова, чтобы распознать подлинную сущность явлений под скрывающей их модой, которая сейчас более чем когда-либо властвует в нашей стране над истиной.

Мода была столь же всемогущей и при Людовике XV; она обрекла на смерть генерала Лалли только за то, что он бывал резок и недостаточно любезен. В наши дни она бросает в тюрьму молодого офицера, не более виновного, чем генерал Лалли. И все же во времена Людовика XV на пути к истине одной помехой было меньше: не нужно было тратить усилий, чтобы забыть громкие фразы двух десятков писателей — людей весьма талантливых и получающих плату за свою ложь.

В Париже вас одолевают уже готовые суждения по любому вопросу, словно вас хотят во что бы то ни стало избавить от труда мыслить, оставляя вам единственное удовольствие — быть красноречивым. В провинции — другого рода беда. Вы проезжаете мимо

прелестного ландшафта или развалин, переносящих вас в средние века. И что же! Вы не встретите никого, кто бы сообщил вам, что здесь имеются те или иные достопримечательности. Провинциал, если его край известен своей живописностью, хвалит все без разбора в преувеличенных и бессмысленных выражениях, являющихся плохой копией пафоса г-на де Шатобриана. Если же газетные статьи не подсказали ему, что в ста шагах от его дома расстилается пленительный пейзаж, он ответит вам на вопрос, стоит ли осматривать что-нибудь в окрестностях: «Ах, сударь, этот лес легко мог бы приносить сто тысяч франков годового дохода!»

Фонтенебло, 10 апреля 1837 г.

Наконец, я в пути. У меня хорошая коляска, купленная по случаю. Единственный мой спутник — мой верный Жозеф, который, прежде чем обратиться ко мне, почтительно просит на это разрешения — и тем выводит меня из себя.

За все время пути от Веррьера с его прекрасными лесами до Эссона в голову мне пришла одна только мысль — весьма эгоистичная и даже пошлая: если мне еще случится путешествовать в собственном экипаже, взять с собой слугу, который не говорит по-французски.

Край, по которому лежит мой путь, безобразен. На горизонте — одни лишь серые и плоские очертания. На переднем плане — картина полного бесплодия, хилые деревья с обрезанными наголо ради вязанки хвороста ветвями; крестьяне в бедной одежде из синего холста. К тому же холодно. Так вот что мы называем *прекрасной Францией!* Я вынужден сказать себе: «Она прекрасна в *духовном отношении*, она удивила мир своими победами; это уголок вселенной, где взаимоотношения людей приносят им меньше горя, чем где бы то ни было». Однако должен сознаться, рискуя оскорбить читателя, что природа не наделила жителей Северной Франции источником животворящего счастья.

Мудрое правление короля — человека превосходного — не допускает ныне ни наглых выходов богачей

против бедняков, в отличие от Англии, ни наглых притязаний духовенства, как во времена Карла X. Так вот, подумал я, глядя на Эссон, этот единственный, быть может, город в мире, где правительство делает меньше всего зла своим подданным и лучше всего обеспечивает им безопасность на больших дорогах и правосудие, когда они вздумают подраться между собой. К тому же национальная гвардия и кирасиры доставляют им развлечение.

Тон бесед полукрестьян-полубуржуа, подслушанных мною по дороге, холодный и рассудительный; в нем чувствуется нотка лукавства и шутливости, что свидетельствует об отсутствии у них больших несчастий и глубоких переживаний. В Италии не встретить такого зубоскальства: его заменяет там свирепое молчание страсти, образный язык и горькая насмешка.

Чтобы проверить это наблюдение, я останавливаюсь в Эссоне на четверть часа у одного из корреспондентов нашей фирмы. Он убежден, что, остановившись у него, я хотел показать, что на этот раз путешествую в собственной коляске. Он угощает меня отличным пивом и ведет серьезную беседу о муниципальных выборах. Садясь в коляску, я спрашиваю себя: неужели же выборы, фактически вошедшие в нашу жизнь только с этого года, заставят нас ухаживать за низшими слоями населения, как это происходит в Америке? В таком случае я поспешу записаться в аристократы. Я не хочу ни за кем ухаживать — ни за министром, ни тем более за народом.

Вспоминаю, что в середине века пышный женский бюст был не в моде; женщины, имевшие несчастье обладать таковым, носили корсет, который, сжимая грудь, скрывал ее, насколько это было возможно. Боюсь, что читатель сочтет это воспоминание несколько игривым, но я позволю себе этот тон не из жеманства и не из желания блеснуть остроумием. Боже избави! Я просто претендую на свободное выражение своих мыслей. Двадцать секунд я искал какое-нибудь другое столь же ясное выражение, но безрезультатно. Если моя непринужденность вызовет недовольство читателя, то я советую ему закрыть книгу, ибо, насколько я сдержан и зауряден за своим прилавком и

на собраниях моих коллег — деловых людей, настолько же я стремлюсь к естественности и простоте, когда по вечерам пишу этот дневник. Если бы я на йоту отошел от правды, то лишился бы всякого удовольствия и перестал бы писать. Как это было бы грустно!

Неужели же наша вольнолюбивая, безрассудная веселость, наш французский ум будут подавлены и уничтожены из-за необходимости ухаживать за грубыми и фанатичными ремесленниками, как в Филадельфии?

Добьется ли демократия этой победы над самой природой человека? Народ стоит выше избранного общества только в эпоху, когда им руководят благородные движения души и он способен к возвышенным страстям. Слишком часто хорошо воспитанные люди во имя своего честолюбия стараются хоть чем-нибудь подражать Робер-Макеру. Что же другое, говорят они, осталось великим деятелям революции, которые не сумели нажить деньги?

Если бы правительство разрешало любому, кто обладает красноречием, собирать в часовне всех скользящих людей, не имеющих средств ходить в театр, мы вскоре стали бы столь же фанатичны и угрюмы, как жители Нью-Йорка. Да что я говорю, в двадцать раз больше. Мы во всем доходим до крайности. В Эдинбурге в светской беседе барышни говорят с молодыми людьми только о достоинствах того или иного проповедника, причем тут же приводят цитаты из его проповеди. Вот почему я люблю иезуитов, которых так ненавидел при Карле X. Разве это не самое большое преступление — лишить народ веселья, украшающего его вечера?!

Я уже не увижу этого одичания любезной Франции; оно произойдет лишь около 1860 года. Но как жаль, что отчизна Маро, Монтеня и Рабле потеряет свой природный ум — этот острый, вольнолюбивый, фрондерский, искрящийся ум, который так средни всему смелому и безрассудному. Его уже не найти в хорошем обществе — в Париже он сохранился еще только среди уличных мальчишек. Боже мой! Да неужто мы станем женевцами?

В Эссоне в 1814 году предали Наполеона.

Неподалеку от Фонтенебло взорам открывается пейзаж, единственный заслуживающий внимания. Внезапно видишь Сену, которая течет на двести футов ниже дороги. Слева долина тянется вдоль возвышенности, поросшей лесом, по которой едет путешественник. Но увы! Здесь нет величественных, вековых вязов, как в Англии. Их отсутствие, так резко ослабляющее впечатление от пейзажа, к несчастью, характерно для всей Франции. Стоит крестьянину увидеть высокое дерево, как он уже мечтает продать его за шесть лундоров.

Сегодня утром дорога из Парижа в Эссон была забита несколькими сотнями солдат в красных штанах, которые брели по два, три, четыре человека или отдыхали, растянувшись под деревьями. Это меня возмущает: они походят на бредущих вразброд баранов и производят жалкое впечатление. Как можно допустить укоренение таких навыков у французов, которые и без того не слишком дружат с дисциплиной! Какие-нибудь двадцать казаков легко разогнали бы весь этот батальон, направляющийся в Фонтенебло для охраны двора во время бракосочетания герцога Орлеанского.

Перед самым Эссоном я обогнал авангард батальона, который задержался, чтобы подождать отставших и вступить в город в более пристойном виде. Услышав барабанную дробь, девушки вне себя от восторга выбегают на порог своего дома. Молодые люди толпятся посреди улицы. Все глазают на батальон, который строился на краю деревни со стороны Парижа; дорога несоразмерно широка, и его отлично видно. Я вспомнил песенку Гретри:

Ничто так девушек не манит,
Как вид солдата-храбреца.

Это замечательно верно в отношении Франции: девушки любят дерзкую, отчаянную храбрость, а не спокойную, благородную смелость Тюренна или маршала Даву. Все, что глубоко, не находит понимания и не вызывает восхищения во Франции. Наполеон хорошо это знал; отсюда его напыщенность, его театральность, которые погубили бы его, имей он дело с итальянцами.

В Фонтенебло я отлично пообедал в гостинице «Виль де Лион». Эта гостиница — snug* (спокойная, тихая, с предупредительной прислугой), наподобие Бокс-Хилла, близ Лондона.

Я отправился во дворец, находящийся в конце Королевской улицы, но он оказался закрытым для посетителей. Дело объясняется очень просто: там заняты приготовлениями к свадьбе. Но когда-то я составлял инвентарь Фонтенебло, и один из служащих, знавший меня еще в те времена, разрешил мне бросить дружеский взгляд на двор «Белой лошади», который обязан своим названием гипсовой копии со статуи Марка Аврелия в Капитолии. Она поставлена здесь по приказу Екатерины Медичи. Итальянским принцессам присуща любовь к изящным искусствам. Эта копия была убрана лишь в 1626 году. Итальянец Себастьяно Серлио из Болоньи построил этот двор по своим планам в 1529 году.

Я мысленно представил себе бронзовую группу, которую поставят здесь в 1880 году: Наполеон, прощаясь с армией, обнимает старого солдата.

Мне попадаются навстречу гусары четвертого полка — полка образцового. Гусары надменны, ибо только они во Франции имеют право при красном ментике носить штаны небесно-голубого цвета. Честь и слава начальникам, умеющим придавать столь большое значение подобным мелочам! Вижу, как подковывают горячую лошадь; гусар заворожил ее взглядом и заставил стоять неподвижно. Гусар должен в две минуты оседлать лошадь, одеться и открыть огонь.

Много говорят об одном из самых крупных деятелей нынешнего режима, который вчера ответил одному из просителей:

— Бога ради, голубчик, оставьте меня сейчас в покое. Этот поход в Константину, словно меч *Горация Коклеса*, навис над моей головой.

Раз нет возможности попасть во дворец, требую себе почтовых лошадей. А мне бы хотелось посмотреть несколько картин Приматиччо; говорят, они отлично реставрированы. Что-то плохо верится! Разве мы с на-

* Уютная (англ.).

шей любовью к чопорности и манерности можем сохранить простоту славного итальянца? К тому же наши художники не умеют писать женские лица. По всей вероятности, я ничего не потерял — мне пришлось бы только пожать плечами.

Мы не имеем себе равных лишь в маленьких памфлетах в духе Вольтера да еще в статейках «*Chari vari*», в тех случаях, когда автор бывает в ударе. Взять хотя бы посещение неаполитанским королем Королевской библиотеки (кажется, в 1836 году): «Я очень желал бы уйти отсюда».

Все остроумцы Германии, Англии и даже Италии, соединившись вместе, не смогут написать такой статьи. Но реставрировать фреску Приматиччо! Это — другое дело. Тут нас превзойдут даже немцы.

Дворец Фонтенебло весьма плохо расположен, в самой низине. Он напоминает словарь по архитектуре: все как будто налицо, а между тем ничто не волнует. Скалы Фонтенебло просто смешны. Только преувеличенные рассказы о них ввели их в моду. Изумленный парижанин, который ничего подобного не видал, воображает, что холмы в двести футов вышиной являются частью альпийской горной цепи. Лесистые места также очень жалки. Впрочем, там, где деревья достигают высоты восьмидесяти футов, лес производит впечатление и очень красив. Он тянется на двадцать два лье, имея в ширину восемнадцать лье. Наполеон приказал провести в нем на триста лье скаковых дорожек. Он полагал, что французы любят монархов-охотников.

Известны два анекдота, связанные с Фонтенебло, первый — о смерти Мональдески, сообщенный его исповедником, отцом Лебелем¹, и второй — о беременности настоятельницы монастыря «Утеха», рассказанный на интимном вечернем выходе Людовика XIV ее отцом, герцогом А., позабывшим название монастыря, в котором его дочь была настоятельницей².

Мональдески хорошо знал эпоху, в которую он жил, и принцессу, при которой состоял. Шпага одно-

¹ Собрание документов, составленное Лапласом, т. IV, стр. 139.

² Мемуары Сен-Симона.

го из трех лакеев, приводивших в исполнение приговор Христины, согнулась о грудь неверного любовника — он обычно носил кольчугу весом в девять — десять фунтов.

Я все же предпочитаю, чтобы имелся префект полиции: правда, он иной раз велит подвергнуть осмотру мои бумаги, но по крайней мере я не вынужден постоянно носить при себе оружие. Моя жизнь более удобна, хотя сам я меньшего стою: теперь я менее отважен и при малейшей опасности бледнею.

Монтаржи, 11 апреля.

Довольно жалкий городишко. Он весьма приукрасился после 1814 года, когда смог воспользоваться реформами, введенными Сьейесом, Мирабо, Дантоном и другими великими людьми, клеветать на которых весьма принято среди нынешних пигмеев. Хороший ужин в гостинице «Ла пост», прекрасно обставленной. За весь сегодняшний день мне не встретился ни один недобросовестный форейтор. Я плачу по пятьдесят су. Некоторые из них плохо ездят верхом, это меня раздражает. А я-то думал, что можно будет объявить призыв форейторов, если прусские солдаты, подстрекаемые русскими, нападут на нас. Перед отъездом я пошел взглянуть на бульвар, расположенный на берегах Луэна и Бриарского канала. Жалкое зрелище.

Неви, 12 апреля.

Я ехал по очень унылым местам, прежде чем спустился в долину Луары. Кажется, эта местность называется Гатине. За Бриаром поднимаешься и спускаешься уже по плодородным склонам холмов; все они тянутся по направлению к Луаре. Нужно бы хоть у реки провести дорогу по насыпи.

Кон, 12 апреля 1837 г.

По мере приближения к Луаре начинают попадаться деревья, покрытые почками; местность утрачивает вид полного бесплодия, который нагонял на

меня тоску в Гатине. В то время как я проезжал через какое-то большое селение на Луаре, мне захотелось пить. Вода, за которой я отправился в какое-то гнусное кафе, просто отвратительна. Нужно запастись восемью четырехугольными бутылками, вроде бутылок из-под туринского ликера, и поставить их в укромное местечко за ногами путешественника. Таким образом, вы будете иметь и вино и воду, запас которой можно пополнять у каждого фонтана.

Заночевал в Коне. Гнусный городишко, и гнусная гостиница. Но мне нужно было побывать в мастерских, расположенных по берегу Луары, где коуются железные якоря. На стене одной из мастерских мне показали отметки уровня воды во время разлива реки — я был поражен, как высоко стояла вода.

Висячий мост через Луару почему-то считается здесь безобразным. Французы, право, смешны в своих суждениях. Быть может, инженер, строивший этот мост, носил чересчур высокий галстук, что придавало ему самодовольный вид, быть может, он задел тщеславие граждан городка другим столь же серьезным проступком. Как-то деревянный настил одного из пролетов моста провалился вследствие того, что опора арки, несшая настил, сломалась. Трое прохожих при этом утонули. Следовало пользоваться железом из Лароша, в Шампани, а здесь, быть может, по недосмотру, использовали ломкое беррийское железо. Впрочем, нельзя предвидеть всех недостатков железа. Случается иногда, что железный брус самой лучшей выделки внезапно ломается. Нет ли здесь влияния электричества?

Этот мост, который не пользуется здесь доброй славой, ведет на один из островов на Луаре. Река эта имеет несуразный вид из-за островов. На всякой добропорядочной реке острова являются исключением, — на Луаре же они встречаются беспрерывно; таким образом, река повсюду оказывается разделенной на два — три рукава, и в ней постоянно не хватает воды. Итак, этот злосчастный мост выводит на дорогу, пересекающую остров, который мог бы быть очаровательным, если бы не вырубленные деревья. Мост этот, го-

ворят, вызывает броужание местных жителей. *Броужание* — вот одно из бедствий провинциальной жизни. В колониях этого не бывает.

Чтобы дополнить свои впечатления, я зашел в бакалейную лавчонку, где купил изюму. В это время какой-то крестьянин с тупой физиономией, в одежде из синей холстины, проходил по мосту. Бакалейщица сказала мне, что этот человек ест мясо всего восемь раз в году, а все остальное время питается кислым молоком. В трудную пору жатвы крестьяне позволяют себе побаловаться «пикетом». Напиток этот приготавливают, заливая водой виноградные выжимки из-под пресса. А мы смотрим свысока на Бельгию и Шотландию!

Негры счастливее. Их хорошо кормят, и каждый вечер они пляшут со своими возлюбленными. Наши же полуголодные крестьяне должны были бы радоваться солдатчине. Ничего подобного! Их умственный уровень не выше их физического состояния. Чем более они обездолены, тем в большее впадают отчаяние, когда жребий падает на них. Впрочем, через полгода они уже поют песни на привалах¹.

Ла-Шарите, 13 апреля.

Крупной рысью проезжал я городок Ла-Шарите, как вдруг, словно в наказание за то, что я все утро думаю о ржавлении железа, сломалась ось у моей коляски. Это моя вина; я ведь дал себе слово, если у меня когда-нибудь будет собственная коляска, приказать на моих глазах выковать хорошую ось из шести брусьев «мягкого» фурвуарийского железа.

Я посмеиваюсь втихомолку над сильно обозлившимся Жозефом. Сам я несколько не рассердился. Если бы это несчастье случилось со мной на пустынных дорогах проклятого края под названием Гатине, ну тогда было бы из-за чего браниться. Что бы мы стали делать среди крестьян, которые питаются одним кислым молоком? Как бы мы дотащили коляску до

¹ См. прекрасное немецкое описание взятия Константины в переводе г. Шпацера.